

По меньшей мере пять минут Ли Тан был совершенно ошеломлен.

Он даже задавался вопросом, не участвует ли он в каком-то розыгрыше.

— Когда мы...?

Слово «встречаться» вертелось у него на языке, но он проглотил его обратно.

Он не мог произнести это вслух.

Цзян Лу опустил взгляд.

— Значит, ты не думал, что мы встречаемся?

Его голос звучал приглушенно, как будто он сначала был смущен, а потом почувствовал себя обиженным.

Это заставило Ли Тана почувствовать себя ужасно виноватым, его сердце забилося как дикая лошадь, и ему стало еще труднее мыслить спокойно.

Внутри него словно раздвоились две личности, вступившие в жаркий спор.

Первая личность сказала: «Смотри, смотри, я так и знал! Он обнимает тебя, покупает тебе кошачьи ушки, гладит по голове — разве это не отношения?»

Вторая личность выступила против: «Отношения, особенно первая любовь, — это важное событие в жизни. У них должно быть четкое начало и конец. Как же все может быть настолько неоднозначным?»

Первая личность уперла руки в бока: «Отношения — это действия двух людей, когда они любят друг друга. Пока есть действия, этого достаточно!»

Вторая личность вытянула шею: «Ты же сам сказал — взаимная привязанность. Он не выразил никакой привязанности!»

Первая личность: «Привязанность выражается действиями, а не словами!»

Вторая личность: «Иногда слова важнее действий!»

Первая личность: «Разве недостаточно просто понимать друг друга? Зачем заикливаться на

формальностях?»

Вторая личность: «Это не формальность, это ритуал подтверждения отношений!»

Первая личность: «Педантично! Мы же не собираемся жениться, разве нам нужно подписывать бумаги?»

Вторая личность: «Хотя бы скажи: «Ты мне нравишься, хочешь стать моим парнем?»»

Первая личность: «Нет необходимости, просто начинайте встречаться!»

Вторая личность: «Есть необходимость!»

Первая личность: «Нет!»

Вторая личность: «Есть!»

Первая личность: «Нет!»

...

Внутренняя борьба оставила Ли Тана в замешательстве.

Стоявший перед ним Цзян Лу, казалось, пристально смотрел на него, ожидая ответа.

— Подожди, — Ли Тан глубоко вздохнул, пытаясь снять напряжение. — Не мог бы ты дать мне немного времени? Я еще не разобрался.

Как только он закончил говорить, прозвенел звонок, возвещающий об окончании урока, что напугало Ли Тана. Цзян Лу позабавила его реакция.

Он протянул руку, как будто желая коснуться головы Ли Тана, но, подумав о неясной природе их отношений, сдержался и отстранился.

— Хорошо, я подожду тебя, — сказал Цзян Лу.

Во время редких вечерних занятий самостоятельно без учителя Ли Тан разложил на столе наполовину прочитанный «Граф Монте-Кристо», но за половину занятия он не перевернул ни одной страницы.

Он решил начать с самого начала.

Это должно было произойти на той неделе, когда они сидели за одной партой. Цзян Лу похвалил его имя, сказав, что оно довольно хорошее, и, увидев, что тот хочет баллотироваться на должность представителя класса по английскому языку, поднял руку, чтобы зарегистрировать его.

Затем Цзян Лу спас его от бандитов. Когда Ли Тан впервые пришел к Цзян Лу домой, ему сказали, что никто из одноклассников раньше к нему не заходил: «Ты первый».

После этого они неожиданно встретились у зала караоке-бара, и Ли Тан по непонятной причине снова оказался у Цзян Лу дома на праздновании дня рождения. Цзян Лу ждал его у двери, нежно вытирая ему слезы. В тот же день Цзян Лу сказал ему: «Если ты будешь сидеть рядом со мной, это будет отвлекать меня».

По сравнению с этим, приглашение посмотреть забег во время спортивных соревнований, снятие сухого листа с его головы, обнаружение у него лихорадки, отправка его в медпункт, чтобы измерить температуру, вскрытие таблеток, которые он не мог проглотить... все это казалось обыденным.

Теперь, поразмыслив, он понял, насколько все было двусмысленно. По крайней мере, Ли Тан не стал бы так себя вести с другими друзьями.

Позже они сблизились. Цзян Лу приходил к нему в шумный кинотеатр, помогал поправлять одежду в тесной раздевалке... Он даже «подслушивал» сплетни о себе и узнал секрет — Цзян Лу задавал вопросы только ему одному.

Интимные контакты были бесчисленны. Цзян Лу перевязывал ему раны, гладил по голове, этот хихикающий «идиот», слезы и объятия за кулисами подпольного боксерского зала, кровавое столкновение в хижине у подножия горы... Хотя казалось, что Ли Тан всегда был инициатором, на самом деле в каждый критический момент именно Цзян Лу первым придвигался к нему ближе.

Ли Тан медленно склонил голову, зарывшись лицом в страницы.

Запоздалая, всепоглощающая радость охватила его. Он подумал: «Оказывается, все оставило следы».

Он не мог не вспомнить слова Чжоу Дунцзе о том, что за все эти годы он ни разу не видел, чтобы Цзян Лу проявлял инициативу в общении с кем-либо.

И любое действие имеет отправную точку и мотивацию.

Значит, мотив Цзян Лу был таким же, как и его собственный: их непреодолимо тянуло друг к другу.

Достав телефон, он повозился с ним под столом.

Лицо Ли Тана все еще горело. Немного поколебавшись, он отправил эмодзи с безучастным взглядом кота.

Меньше чем через минуту Цзян Лу ответил эмодзи с котом, подпирающим подбородок. Ли Тан отправил ему этот эмодзи несколько дней назад, и он не ожидал, что Цзян Лу его сохранит.

Ли Тан улыбнулся, поджав губы. Этот эмодзи совершенно не шел Цзян Лу, создавая странный и одновременно милый контраст.

Он спросил:

[Почему ты играешь со своим телефоном во время самостоятельного обучения?]

Цзян Лу ответил:

[Разве ты не делаешь то же самое?]

Ли Тан снова спросил:

[Все ли, что ты сказал, правда?]

Цзян Лу возразил:

[Ты мне не веришь?]

Как он мог не верить? Ли Тан подумал: «Ты никогда не узнаешь, насколько я готов поверить».

Ли Тан изменил свой вопрос:

[То есть ты отверг других из-за меня?]

Цзян Лу:

[Конечно. Я никогда не был нерешительным.]

Возникло ощущение, что его поймали с поличным, и Ли Тан почувствовал себя неловко: «...Я тоже не собирался с ним соглашаться».

После этого Цзян Лу отправил два сообщения, которые, словно ветерок, развеяли последние остатки неуверенности в сердце Ли Тана.

[Можешь и ты отвергнуть его сейчас?]

[Причина в том, что у тебя уже есть парень.]

В тот вечер, после окончания вечерних самоподготовок, Ли Тан ждал Чжоу Дунцзе у задней двери класса. Когда большинство одноклассников ушли, он сказал ему:

— Извини, не думаю, что смогу пойти с тобой на концерт в воскресенье.

Выражение лица Чжоу Дунцзе было таким, словно он ожидал этого, но он не мог не чувствовать уныния.

Он пытался доказать свою правоту:

— Не мог бы ты не торопиться с отказом, подумай немного больше...

— Я очень ясно это обдумал. — Ли Тан собрал все свое мужество, чтобы заговорить так решительно: — Ты замечательный человек, я не хочу лгать и не хочу намеренно морочить тебе голову.

Сказав это, он прямо изложил свою позицию, включив в нее и ту привязанность, в которой Чжоу Дунцзе ему еще не признался.

Это также был прямой отказ, отрезающий любую возможность еще до того, как другая сторона успевала что-либо сказать, что по-настоящему убивало и тело, и душу.

Обычно кроткое лицо Чжоу Дунцзе побледнело:

— Ты все равно предпочел поверить ему.

Ли Тан покачал головой.

Он был прирожденным пессимистом, верящим, что все предопределено судьбой и не поддается его контролю.

— Если уж говорить откровенно, это он меня выбрал.

Я просто следовал за ним, жаждая его взгляда.

Когда они расстались у школьных ворот, атмосфера снова стала гармоничной, как у обычных друзей.

— Могу ли я в будущем еще просить помочь с английским? — с улыбкой спросил Чжоу Дунцзе.

— Конечно, можешь, — кивнул Ли Тан.

Наблюдая, как Чжоу Дунцзе садится в автобус, и красные задние фонари исчезают в туманной ночи, Ли Тан поежился, пытаясь согреться, но безуспешно. Источники в интернете сообщали, что зимой в Сюйчэне редко выпадает снег, и Ли Тан начал сомневаться в правдивости этого заявления.

Обернувшись и уже собираясь засунуть руки в рукава, он вдруг увидел впереди под уличным фонарем фигуру человека — в форме синего и белого цвета, пошитой с особым шиком, в желтоватом свете уличного света, в которой юность казалась такой же чистой и элегантной, как снег.

Возможно, из-за тумана острые грани Цзян Лу несколько размылись, стали мягче, теплее, что сделало его особенно доступным.

Ли Тан сделал несколько шагов вперед, заметив слабую улыбку на губах Цзян Лу, когда тот протянул ему руку.

Как будто зная, что ему холодно, не было нужды в специальном руководстве. Все происходило естественно.

— Пойдем, я провожу тебя домой. — Цзян Лу взял Ли Тана за руку, используя новое обращение: — Парень.

С тех пор Ли Тан больше не просил своего водителя забирать его с вечерних занятий по самоподготовке.

Большую часть времени Цзян Лу сначала брал такси, чтобы проводить Ли Тана домой, а затем сам садился на автобус обратно.

Иногда, когда домашних заданий было мало, Ли Тан следовал за Цзян Лу домой, по дороге звоня семье и придумывая различные причины позднего возвращения.

Ли Тану, напротив, больше не нужен был повод, чтобы посетить дом Цзян Лу.

Каждые выходные Ли Тан просыпался рано утром и стучался в дверь Цзян Лу. Если Цзян Лу собирался в боксерский зал, он уговаривал его: «Разве ты не ходил на прошлой неделе? Отдохни сегодня дома».

Если Цзян Лу открывал книги, чтобы поучиться, Ли Тан придвигал стул, чтобы сесть рядом с ним, и время от времени отвечал на вопросы Цзян Лу по английскому, в основном исправляя произношение, выступая в роли его человеческой машины по указанию и чтению.

В результате результаты Цзян Лу по английскому резко выросли всего за полмесяца. Он блестяще сдал устный экзамен, организованный школой, а на третьем ежемесячном тесте сразу вошел в десятку лучших учеников класса.

Глядя на имя Цзян Лу в почетном списке, Ли Тан диалектически подумал, что в будущем, если бы какой-нибудь учитель запретил раннюю любовь и жестоко разлучил влюбленных, он мог бы бросить им в лицо рейтинг Цзян Лу и сказать, что это не так.

...Он только осмеливался думать об этом.

На самом деле, в школе Ли Тан не смел показывать другим свою близость с Цзян Лу. Когда он встречался с ним, забирая домашнее задание из кабинета, он не осмеливался долго задерживать на нем взгляд.

Только вечером после школы, сидя в последнем ряду автобуса, под покровом темноты он мог тайно держаться за руки.

Ли Тан пожаловался Цзян Лу, что это похоже на интрижку. Цзян Лу усмехнулся и спросил:

— Ты хочешь продолжить нашу связь?

Не дожидаясь ответа Ли Тана, когда автобус въехал в туннель, он наклонился к его уху, и сухие губы сомкнулись вокруг его мягкой мочки уха.

Сила этой «связи» была настолько велика, что сердце Ли Тана продолжало биться с перебойми и следующей ночью. Всякий раз, когда он случайно касался руки Цзян Лу, держа что-то в руках, он рефлекторно отдергивал руку.

— Что случилось? — спросил его Цзян Лу. — Электростатический удар?

Хотя в Сюйчэне в начале зимы не было такой сухой погоды, как в столице, все же было достаточно сухо, чтобы люди с сухой кожей могли страдать от электростатического удара.

К сожалению, Ли Тан был легко поддающимся ударам током. С наступлением холодов его руки начинали биться током везде, к чему бы он ни прикасался. Дверные ручки, стекла, столы, свежестиранное и высушенное белье и даже обычные стены, окрашенные латексом, — все это искрило электричеством при прикосновении, иногда сопровождаясь громким хлопком, от которого он терял дар речи.

Поэтому он купил много кремов для рук и наносил их везде, куда бы ни шел, — увлажнение рук значительно уменьшало проблему статического электричества.

Цзян Лу отложил свой предмет и повернулся, чтобы взять крем для рук со стола.

Ли Тан мог предположить, что до его появления Цзян Лу, вероятно, никогда не пользовался кремом для рук. Дело не в том, что он вел суровую жизнь. По сравнению с другими парнями Ли Тан действительно был чрезмерно утонченным, вплоть до некоторой степени изнеженным. Он пользовался кремом для рук только определенной марки с ароматом розы, а любой другой аромат вызывал у него тошноту.

Даже Су Циньхань, которая занималась с ним всего два урока в неделю, заметила его привычку наносить крем для рук, нюхать воздух и поддразнивала: «О боже, как в этом мире может быть мальчик более утонченный, чем я?»

Таким образом, когда Цзян Лу небрежно взял тюбик с ароматом розы, Ли Тан подсознательно выхватил его у него из рук, заменив на тюбик с ароматом вербены:

— Используй этот.

Брови Цзян Лу слегка изогнулись.

— Почему?

Не ожидая вопроса о причине, Ли Тан закусил губу.

— Нас могут раскрыть... Этим ароматом на уроках пользуюсь только я.

— И что, если нас обнаружат? — Цзян Лу повернулся к Ли Тану. — Ты не осмелишься сообщить им?

Ли Тан был ошеломлен.

— ...Как я им сообщу?

Ранняя любовь уже сама по себе была скандальным «преступлением», способным перевернуть жизнь ученика. Не говоря уже об отношениях двух парней.

Цзян Лу принял многозначительное выражение лица, затем потянул уголки рта и рассмеялся без особых эмоций.

До самого вечера Ли Тан не мог понять смысл этого смеха.

«Смеялся ли он над моей трусостью, над тем, что я не был таким открытым, как он?»

Или, обнаружив мою слабость, он нашел ее забавной?»

Ли Тан боялся такого Цзян Лу, но его пленяла тайна, которую он не мог разгадать, словно он выпил яд, чтобы утолить жажду.

Сегодня в доме Цзян Лу, помимо празднования его попадания в десятку лучших учеников класса, было еще одно задание — уборка.

Хотя это было пустяковым делом, и Цзян Лу, безусловно, не был некомпетентен в домашнем хозяйстве, Ли Тан не хотел самонадеянно угадывать, чего не хватает другим, а затем предлагать это как милостыню, самодовольно кичась собственной щедростью. Это было своего рода невежественное высокомерие, словно спрашивать, почему он не ест мяса.

Он хотел сделать для Цзян Лу что-то такое, что он мог бы сейчас открыть и осуществить самостоятельно.

На самом деле, дом Цзян Лу не был грязным. Живя один, он сам стирал одежду и мыл посуду, и у него не было никаких вредных привычек вроде курения или выпивки. Ли Тан бывал в мужских общежитиях международных школ, где пол был завален кастрюлями и сковородками с застывшим бульоном, засохшими паровыми булочками и носками, которые можно было использовать как оружие...

Для сравнения, дом Цзян Лу был достаточно чистым, чтобы заслужить звание опрятного дома.

Но Ли Тан все равно нашел предлог помочь Цзян Лу с уборкой. Видя, что зима уже не за горами, а кровать Цзян Лу все еще была застелена лишь тонким одеялом, Ли Тан каждый раз вздрагивал, глядя на него.

В Сюйчэне не было городского отопления, а в доме Цзян Лу не было ни конвектора, ни кондиционера. Даже если бы он мог выдержать холод, простуда была неизбежна.

Если бы у него поднялась температура, все стало бы еще хуже. Ли Тан даже не знал, как

пользоваться ртутным градусником, совершенно не уверенный в своей способности позаботиться о Цзян Лу так же хорошо, как Цзян Лу позаботился о нем.

Таким образом, подметание было оставлено, метла была отброшена в сторону, и Ли Тан закатал рукава, чтобы начать заправлять постель.

Ли Тан, никогда не занимавшийся этим дома, обнял самое толстое хлопковое одеяло и засунул его в пододеяльник, следуя за ним внутрь. После того, как он повозился с ним некоторое время, одеяло не расправилось, но он оказался в ловушке внутри, не в силах выбраться.

— Цзян Лу... — Ли Тан замахал руками в пододеяльнике, слепо крича: — Помоги...!

Цзян Лу пришлось отложить щетку, войти во внутреннюю комнату и, держась обеими руками за пододеяльник, снять его с Ли Тана, словно сдирая кожу.

Почувствовав сладость один раз, при проветривании белья, Ли Тан повторил трюк, закручивая себя в простыню, шепча изнутри:

— Цзян Лу... Где ты?

Некоторое время ответа не было.

Ли Тан запаниковал и поспешно откинул простыню, чтобы вылезти. Как только он увидел свет, то увидел Цзян Лу, стоявшего неподалеку под деревом и смотревшего в его сторону.

— Ты что, не слушал? — Ли Тан вздохнул с облегчением. — Я думал, ты зашел.

Цзян Лу молчал.

Солнечный свет был слишком ярким, и Ли Тан прищурился, не заметив легкого дрожания в глазах Цзян Лу, скрытого под спокойствием.

Подобно пламени свечи, развеваемому ветром, оно мигнуло один раз, а затем застыло неподвижно, как скала.

Как будто он никогда не колебался.

Во второй половине дня с запада набежали густые облака, скрыв солнце.

Одеяла, занесенные в дом, источали неповторимый теплый аромат, который очень нравился Ли Тану. Он то и дело вдыхал их, не желая отпускать, и уговаривал Цзян Лу:

— Давай немного отдохнем, а потом продолжим учебу.

Взгляд Цзян Лу был прикован к рабочей тетради, он не выражал ни согласия, ни несогласия, словно говоря: «Отдыхай».

Ли Тан обнял одеяло и медленно закрыл глаза.

И тут ему приснился сон.

Во сне Ли Тан думал, что не спит, поэтому удушье было настолько реальным.

Он не видел, кто его душит, он чувствовал только силу этих рук, намеревавшихся убить его.

Воздух в легких становился все более разреженным, и Ли Тан непрерывно боролся, зовя на помощь, но все было тщетно. Он не мог вырваться из этих рук и не мог издать ни звука.

Когда он очнулся, у него было чувство, будто он пережил околосмертный опыт.

Ли Тан сделал несколько глубоких вдохов, прижимая руку к тому месту, где находилось его сердце, убеждаясь, что это всего лишь призрак, давящий ему на грудь, а затем постепенно успокоился.

Вытерев холодный пот со лба тыльной стороной ладони, он коснулся чьей-то руки, когда опускал ее.

Повернув голову, он увидел, что Цзян Лу каким-то образом уже прилег. Кровать была шириной всего полтора метра, и, поскольку Ли Тан занимал большую ее часть, Цзян Лу мог лишь съежиться у края, сгорбившись в несколько стесненной позе.

Ли Тан придвинулся ближе к внутренней стороне, позволив телу Цзян Лу вытянуться, и вытащил одеяло, которое было под ним, слегка накрыв его им.

Сделав все это, Ли Тан воспользовался возможностью внимательно рассмотреть лицо спящего Цзян Лу.

Во сне его губы были слегка поджаты, уголки рта опущены. Хотя он не улыбался, в его взгляде царил безмятежный покой.

Словно на время забыв прошлую боль и нынешнюю усталость, во сне он сбросил маску и открыл свое истинное «я».

Рана на надбровной кости полностью зажила, не оставив и следа синяка.

Рука Ли Тана потянулась вверх, нежно погладив этот участок кожи, и он подумал: «Как ты прожил последние двенадцать лет?»

Получив травму, ты разрезал раны перед зеркалом, чтобы выпустить гной и кровь?

Вот почему ты так к этому привык, как будто не чувствуешь боли».

Ли Тан был настолько поглощен своим наблюдением, что не заметил, как Цзян Лу проснулся.

Он лишь заметил, как несколько раз дрогнули невероятно длинные ресницы, и прежде чем он успел отреагировать, его схватили за запястье.

Ли Тан резко вздохнул, пытаясь скрыть свои намерения:

— Я не собирался целовать тебя тайком.

Цзян Лу открыл глаза, его острый взгляд пронзил его насквозь, изучая.

Затем он улыбнулся.

— Неужели?

Казалось, он не поверил.

Ли Тан объяснил:

— Да, ты знаешь, я боюсь электростатического удара.

— О, электростатический удар.

— ...

Ли Тан лишился дара речи, ведь его рука действительно лежала на теле другого человека. Любой, кто бы это увидел, счел бы его поведение развратным.

— Забудь, если не веришь мне, — пробормотал Ли Тан, сникнув. — Тебе позволено тайно прятать мою тетрадь, но мне не позволено тайно целовать тебя. Что же это за логика такая?

Так называемая тетрадь — это записи на английском языке, которые Цзян Лу одолжил у Ли Тана в начале семестра, когда они еще сидели за одной партой. Позже один из них не вернул тетрадь, а другой забыл попросить ее обратно. В любом случае, в ней было написано не так много строк, поэтому Ли Тан просто завел новую тетрадь.

Кто бы мог подумать, что во время этой большой уборки в доме Цзян Лу будет найден этот давно забытый предмет, пробуждающий не такие уж и далекие воспоминания.

На вопрос, почему он не вернул тетрадь, Цзян Лу ответил:

— Я не хотел.

Причина была в следующем:

— У меня есть только одна твоя вещь.

От этих слов у Ли Тана даже сейчас запылали уши. Потому что это было действительно неожиданно; он и представить себе не мог, что Цзян Лу с тех пор обращает на него внимание.

Выслушав эту «жалобу», Цзян Лу снова рассмеялся:

— Почему ты тогда не научил меня английскому?

— Ты меня не просил, — возразил Ли Тан. — Разве сейчас я не обучаю сейчас? Даже с домашним обслуживанием.

— Я никогда не слышал о домашнем репетиторе, который ночует в доме ученика, — сказал Цзян Лу.

Взглянув на тускнеющее небо за окном, учитель Ли покраснел:

— Тогда давай продолжим.

— Конечно, — сказал Цзян Лу. — Но я хочу учиться по-своему.

Ли Тан, чувствуя себя виноватым, вынужден был согласиться:

— ...Хорошо.

К счастью, метод, который использовал Цзян Лу, был прост, даже примитивен.

Все дошкольники, изучающие английский язык, использовали эти карточки — небольшие листочки бумаги с напечатанными английскими словами и соответствующими красочными картинками. Каждый раз, когда родители проверяли успехи ребенка в учебе, они перемешивали карточки и наугад выбирали одну, держали ее перед ребенком и спрашивали, как ее читать и писать.

Разница была в том, что у них не было карт на руках, поэтому они могли заменить их только реальными предметами.

Цзян Лу коснулся волос Ли Тана, и Ли Тан произнес «волосы»; он коснулся его шеи, и Ли Тан произнес «шея».

Прикосновение кончиков пальцев к коже заставило поры слегка расшириться, кровь нагреться, и, хотя они находились в тускло освещенной комнате, Ли Тан ощутил постыдное чувство, словно его раздели догола среди бела дня и выставили напоказ на операционном столе в лаборатории.

Рука двигалась от шеи к ключице, затем поднималась вверх по шее, разминая мочку уха и нежно поглаживая ухо.

Затем он отстранился, и его заменили более мягкие губы, прижавшиеся ближе.

Голос Цзян Лу звучал тихо, но так близко, что даже дыхание становилось все громче.

Он спросил:

— Как это по-английски?

Ли Тан дрожащим голосом ответил: «Ухо», и Цзян Лу сказал, что это неверно.

Он поправил:

— Это «шепот», просто «шепот».

Из-за проблем со слухом на левое ухо разговорный английский Цзян Лу считался не очень хорошим. Поэтому, когда Ли Тан учил его, основное внимание уделялось аудированию и говорению.

Но Ли Тан задался вопросом, не иллюзия ли это; он чувствовал, что произношение Цзян Лу этого слова было чрезвычайно точным, без каких-либо изъянов, настолько стандартным, что он не мог удержаться от того, чтобы повторить его:

— Шепот... шепот.

В его ухе раздался тихий смешок, и Цзян Лу сказал:

— Отлично.

На мгновение Ли Тан растерялся, словно он был невежественным учеником, а Цзян Лу — терпеливым и направляющим учителем.

— А это?

Когда их губы соприкоснулись, Ли Тан почти послушно разомкнул губы.

Интимная встреча без крови, только томительная ласка.

Тип, при котором происходит легкое покусывание, при котором доминируют коронки зубов, а при их разделении возникает почти онемение.

Прежде чем Ли Тан успел прийти в себя, Цзян Лу протянул руку, чтобы ущипнуть его за подбородок и надавить сильнее:

— Как это произносится?

Ли Тан не мог удержаться от этого, глядя сквозь влажную дымку на отчужденное лицо Цзян Лу. Его охватил необъяснимый страх, и он понял, что Цзян Лу его наказывает.

Независимо от того, удалось ли ему тайно поцеловаться или нет, ему не следовало замышлять ничего подобного. Даже в отношениях все необходимые шаги должен был лично контролировать Цзян Лу, а ему оставалось лишь следовать и подчиняться.

Но после кратковременного страха его охватило всепоглощающее удовольствие, от которого у него покалывало кожу головы.

Столкнувшись с Цзян Лу, Ли Тан всегда был готов сдаться.

Даже если его отношение было противоречивым, колебавшимся между холодностью и жаром, Ли Тан жаждал его периодической мягкости и наслаждался болью, которую он ему причинял.

Когда последний луч дневного света угас, слабые голоса растворились в темноте.

— «Поцелуй», «поцелуй», — ответил Ли Тан.

Кончики пальцев потеряли покрасневшие губы, и Цзян Лу спросил:

— Что-нибудь еще?

Ли Тан глубоко вздохнул:

— Десенсибилизация, десенсибилизация.

Он лучше всех знал, что кремы для рук и подобные средства снимают лишь симптомы, а не причину. Единственным способом борьбы с электростатическим разрядом был частый контакт, достаточно частый, чтобы игнорировать запрограммированный мозгом страх неизбежного удара током.

Цзян Лу улыбнулся.

Молодец, это был тот ответ, который он хотел.

Он спросил Ли Тана:

— Какую награду ты хочешь?

Высунув язык и облизав губы, как будто неудовлетворенный, Ли Тан больше не уклонялся, а вместо этого двинулся вперед.

— Поцелуй.

— Я хочу, чтобы ты поцеловал меня еще раз.

По меньшей мере пять минут Ли Тан был совершенно ошеломлен.

Он даже задавался вопросом, не участвует ли он в каком-то розыгрыше.

— Когда мы...?

Слово «встречаться» вертелось у него на языке, но он проглотил его обратно.

Он не мог произнести это вслух.

Цзян Лу опустил взгляд.

— Значит, ты не думал, что мы встречаемся?

Его голос звучал приглушенно, как будто он сначала был смущен, а потом почувствовал себя обиженным.

Это заставило Ли Тана почувствовать себя ужасно виноватым, его сердце забилося как дикая лошадь, и ему стало еще труднее мыслить спокойно.

Внутри него словно раздвоились две личности, вступившие в жаркий спор.

Первая личность сказала: «Смотри, смотри, я так и знал! Он обнимает тебя, покупает тебе кошачьи ушки, гладит по голове — разве это не отношения?»

Вторая личность выступила против: «Отношения, особенно первая любовь, — это важное событие в жизни. У них должно быть четкое начало и конец. Как же все может быть настолько неоднозначным?»

Первая личность уперла руки в бока: «Отношения — это действия двух людей, когда они любят друг друга. Пока есть действия, этого достаточно!»

Вторая личность вытянула шею: «Ты же сам сказал — взаимная привязанность. Он не выразил никакой привязанности!»

Первая личность: «Привязанность выражается действиями, а не словами!»

Вторая личность: «Иногда слова важнее действий!»

Первая личность: «Разве недостаточно просто понимать друг друга? Зачем заикливаться на формальностях?»

Вторая личность: «Это не формальность, это ритуал подтверждения отношений!»

Первая личность: «Педантично! Мы же не собираемся жениться, разве нам нужно подписывать бумаги?»

Вторая личность: «Хотя бы скажи: «Ты мне нравишься, хочешь стать моим парнем?»»

Первая личность: «Нет необходимости, просто начинайте встречаться!»

Вторая личность: «Есть необходимость!»

Первая личность: «Нет!»

Вторая личность: «Есть!»

Первая личность: «Нет!»

...

Внутренняя борьба оставила Ли Тана в замешательстве.

Стоявший перед ним Цзян Лу, казалось, пристально смотрел на него, ожидая ответа.

— Подожди, — Ли Тан глубоко вздохнул, пытаясь снять напряжение. — Не мог бы ты дать мне немного времени? Я еще не разобрался.

Как только он закончил говорить, прозвенел звонок, возвещающий об окончании урока, что напугало Ли Тана. Цзян Лу позабавила его реакция.

Он протянул руку, как будто желая коснуться головы Ли Тана, но, подумав о неясной природе их отношений, сдержался и отстранился.

— Хорошо, я подожду тебя, — сказал Цзян Лу.

Во время редких вечерних занятий самостоятельно без учителя Ли Тан разложил на столе наполовину прочитанный «Граф Монте-Кристо», но за половину занятия он не перевернул ни одной страницы.

Он решил начать с самого начала.

Это должно было произойти на той неделе, когда они сидели за одной партой. Цзян Лу похвалил его имя, сказав, что оно довольно хорошее, и, увидев, что тот хочет баллотироваться на должность представителя класса по английскому языку, поднял руку, чтобы зарегистрировать его.

Затем Цзян Лу спас его от бандитов. Когда Ли Тан впервые пришел к Цзян Лу домой, ему сказали, что никто из одноклассников раньше к нему не заходил: «Ты первый».

После этого они неожиданно встретились у зала караоке-бара, и Ли Тан по непонятной причине снова оказался у Цзян Лу дома на праздновании дня рождения. Цзян Лу ждал его у

двери, нежно вытирая ему слезы. В тот же день Цзян Лу сказал ему: «Если ты будешь сидеть рядом со мной, это будет отвлекать меня».

По сравнению с этим, приглашение посмотреть забег во время спортивных соревнований, снятие сухого листа с его головы, обнаружение у него лихорадки, отправка его в медпункт, чтобы измерить температуру, вскрытие таблеток, которые он не мог проглотить... все это казалось обыденным.

Теперь, поразмыслив, он понял, насколько все было двусмысленно. По крайней мере, Ли Тан не стал бы так себя вести с другими друзьями.

Позже они сблизились. Цзян Лу приходил к нему в шумный кинотеатр, помогал поправлять одежду в тесной раздевалке... Он даже «подслушивал» сплетни о себе и узнал секрет — Цзян Лу задавал вопросы только ему одному.

Интимные контакты были бесчисленны. Цзян Лу перевязывал ему раны, гладил по голове, этот хихикающий «идиот», слезы и объятия за кулисами подпольного боксерского зала, кровавое столкновение в хижине у подножия горы... Хотя казалось, что Ли Тан всегда был инициатором, на самом деле в каждый критический момент именно Цзян Лу первым придвигался к нему ближе.

Ли Тан медленно склонил голову, зарывшись лицом в страницы.

Запоздалая, всепоглощающая радость охватила его. Он подумал: «Оказывается, все оставило следы».

Он не мог не вспомнить слова Чжоу Дунцзе о том, что за все эти годы он ни разу не видел, чтобы Цзян Лу проявлял инициативу в общении с кем-либо.

И любое действие имеет отправную точку и мотивацию.

Значит, мотив Цзян Лу был таким же, как и его собственный: их непреодолимо тянуло друг к другу.

Достав телефон, он повозился с ним под столом.

Лицо Ли Тана все еще горело. Немного поколебавшись, он отправил эмодзи с безучастным взглядом кота.

Меньше чем через минуту Цзян Лу ответил эмодзи с котом, подпирающим подбородок. Ли Тан отправил ему этот эмодзи несколько дней назад, и он не ожидал, что Цзян Лу его сохранит.

Ли Тан улыбнулся, поджав губы. Этот эмодзи совершенно не шел Цзян Лу, создавая странный и одновременно милый контраст.

Он спросил:

[Почему ты играешь со своим телефоном во время самостоятельного обучения?]

Цзян Лу ответил:

[Разве ты не делаешь то же самое?]

Ли Тан снова спросил:

[Все ли, что ты сказал, правда?]

Цзян Лу возразил:

[Ты мне не веришь?]

Как он мог не верить? Ли Тан подумал: «Ты никогда не узнаешь, насколько я готов поверить».

Ли Тан изменил свой вопрос:

[То есть ты отверг других из-за меня?]

Цзян Лу:

[Конечно. Я никогда не был нерешительным.]

Возникло ощущение, что его поймали с поличным, и Ли Тан почувствовал себя неловко: «...Я тоже не собирался с ним соглашаться».

После этого Цзян Лу отправил два сообщения, которые, словно ветерок, развеяли последние остатки неуверенности в сердце Ли Тана.

[Можешь и ты отвергнуть его сейчас?]

[Причина в том, что у тебя уже есть парень.]

В тот вечер, после окончания вечерних самоподготовок, Ли Тан ждал Чжоу Дунцзе у задней двери класса. Когда большинство одноклассников ушли, он сказал ему:

— Извини, не думаю, что смогу пойти с тобой на концерт в воскресенье.

Выражение лица Чжоу Дунцзе было таким, словно он ожидал этого, но он не мог не чувствовать уныния.

Он пытался доказать свою правоту:

— Не мог бы ты не торопиться с отказом, подумай немного больше...

— Я очень ясно это обдумал. — Ли Тан собрал все свое мужество, чтобы заговорить так решительно: — Ты замечательный человек, я не хочу лгать и не хочу намеренно морочить тебе голову.

Сказав это, он прямо изложил свою позицию, включив в нее и ту привязанность, в которой Чжоу Дунцзе ему еще не признался.

Это также был прямой отказ, отрезающий любую возможность еще до того, как другая сторона успевала что-либо сказать, что по-настоящему убивало и тело, и душу.

Обычно кроткое лицо Чжоу Дунцзе побледнело:

— Ты все равно предпочел поверить ему.

Ли Тан покачал головой.

Он был прирожденным пессимистом, верящим, что все предопределено судьбой и не поддается его контролю.

— Если уж говорить откровенно, это он меня выбрал.

Я просто следовал за ним, жажда его взгляда.

Когда они расстались у школьных ворот, атмосфера снова стала гармоничной, как у обычных друзей.

— Могу ли я в будущем еще просить помочь с английским? — с улыбкой спросил Чжоу Дунцзе.

— Конечно, можешь, — кивнул Ли Тан.

Наблюдая, как Чжоу Дунцзе садится в автобус, и красные задние фонари исчезают в туманной ночи, Ли Тан поежился, пытаясь согреться, но безуспешно. Источники в интернете сообщали, что зимой в Сюйчэне редко выпадает снег, и Ли Тан начал сомневаться в правдивости этого заявления.

Обернувшись и уже собираясь засунуть руки в рукава, он вдруг увидел впереди под уличным фонарем фигуру человека — в форме синего и белого цвета, пошитой с особым шиком, в желтоватом свете уличного света, в которой юность казалась такой же чистой и элегантной, как снег.

Возможно, из-за тумана острые грани Цзян Лу несколько размылись, стали мягче, теплее, что сделало его особенно доступным.

<http://bllate.org/book/13923/1226776>